

А. Маликов

САМ СЕБЕ ВОЛК

Роман в 2-х частях

Исход. Расправа (отрывок из части 1)

...Амур в этом месте всклокочен, будто безнадежно панкующий пацан. Надолбы льдин торчат по руслу всюду, сколь видит глаз. Сюрреализм. Но что это? Мы с Диогеном заметили движение на том берегу, едва ступив на лед. Неспешно добрались до середины фарватера и остановились, с интересом наблюдая за происходящим на льду. Все-таки граница, дальше нельзя. Примерзший к автомату солдатик может с вышки и пальнуть, ежели усмотрит в наших действиях попытку посягательства на святое. Не посягаем.

Ба-а! Обоз! Тот самый, желтугинский! Вот четверка, запряженная цугом. Это Крейтер. А какой-то сумасшедший, явно подвыпивший, стоит в розвальнях и размахивает красно-белым флагом «свободной республики». Все вооружены. В глазах «хищников» нет смятения, только пьяные удаль и дурь. Не бывает смятения у людей, свято верящих в свою звезду и обычно ломящихся к ее осуществлению и овеществлению через головы и любые преграды. И даже когда такие люди временно отступают, они все равно победители. Непреодолим дух фартового человека!

Диоген, конечно же, облаял колонну и поглядывает на меня: правильно ли сделал, отработал ли котлеты? А Крейтер, этот седобровый злодей, лидер желтугинского бомонда, выхватив из-за вычурно смотрящегося на борчатке лисьего ворота револьвер, прицелился в собачонку. Я заволновался. Однако воспрепятствовать не смог. Будь у меня в руках карабин, сторонним наблюдателем не остался бы, завалил бы еще и этого медведя, а так... Я просто онемел, поскольку сражен грандиозностью увиденной картины. Хорошо еще, возница потянул вожжи и прицельного выстрела не получилось. Пуля вспахала лед у самых лап Диогена. Он коротко взвизгнул, однако же и не бросился бежать прочь. Только оскалился. Да и куда бежать, когда хозяин на льду один, подставился сумасшедшему ветру. Молодчина, Дио. Может, из тебя хоть что-то да получится, хоть четвертушка от Ди.

Нет, старатели с Желтуги не бегут. Они словно бы часть шабаша, какой иногда устраивают местные купчишки, выдавая своих капризных чад замуж или ожививая их. Только гармони, бубна да балалайки не хватает. В главном точно: свадебный шабаш, сумасшедшая пьяная оргия!

Вот проскакали мимо на крепконогих приземистых лошадях «хищники»-одиночки. Следом скорым шагом ломятся пешие китайские старатели, неся в баулах из плотной ткани старательское добро и намытое золото. Затем неторопко на лошадях пересекли середину фарватера желтугинские полицейские. Они оглядываются на подтянувшихся к берегу китайских солдат и, разговаривая меж собой, над чем-то хохочут. Семен Огольцов среди них: голова перевязана, но в целом здоров, это меня радует. Как же, попробуй возьми этот народ-кремень. Куда там!

Я все выглядываю: не покажется ли в толпе доктор в новеньком козляке? Доктор есть доктор. Интеллигентность не вымарашь примазкой к золотоносным пескам. Вот он появился на том берегу, в кустарнике мелькнули уши его орогды — модной у старателей шапки в стиле аборигенов, отороченной мехом ондатры. И как будто бы рядом с ним американец. Не поздновато ли? Эй, где вы там задержались, где ваши лошади?! Переживаю: я ведь с этими симпатичными

людьми за три месяца сроднился. И самое грустное в том, что теперь уж ничем не могу им помочь. Запаздывают. Э-э-эх! Гэри, наверно, захотелось увидеть хвост колонны да понаблюдать для впечатлений, чем все это действие закончится. Авантюрист! А может, доктора задержали какие-то его медицинские дела? Кому он там еще чего-то недооттяпал? Не время! Серж, в судьбоносную минуту каждый должен быть максимально собран! Ну, что же вы, господа! Мы ведь исподволь готовились к подобному развитию событий.

...Однако всё. Поздно. Ворота в свободу захлопнулись. Передовой отряд китайских кавалеристов перекрыл выход к реке. Кто-то из арьергарда колонны старателей метнулся в чащу, кто-то по берегу шархнулся в тальниковую гущину, рассчитывая уже в стороне от пробитой здесь сотнями и тысячами всадников и обозов дороги пересечь реку. Многим это удастся. Но только не доктору с американцем. Они стоят в группе из трех-четырёх сотен таких же замешкавшихся по каким-либо причинам. Ну Кук, с ним все понятно: этот любит подержать беса за хвост. На адреналиновой подпитке существует. Слово наркоман. А что же доктор? Нет, даже и теперь их не назовешь отчаявшимися. Но ведь еще непонятно, каким образом действие будет развиваться дальше. По какой такой спирали.

Кольцо солдат, окруживших арьергард желтугинцев, сжимается. Кое-где особо ретивые служаки из отряда конных манегров пускают в ход свои кривые сабельки. Эти тунгусы — потомки оленеводов, а теперь legionеры — отличаются особой жестокостью. Поэтому первые головы китайских старателей полетели от сабелек именно скорых на расправу манегров. Известно, кровь голову пьянит. И вот уже летит на своем в яблоках коне, укрытом попоной, командир китайского отряда. И засуетились служаки. С русских старателей срывают одежду, сбрасывают с легких саней поклажу и рвут, ворошат ее. Ищут золото. А золота нет. Оно ушло за Амур в обозе, ведомом Крейтером.

Гэри сам достает откуда-то из-за ворота болтавшийся на шнурке небольшой кожаный мешочек, в коем не больше полуфунта золота, и бросает его находящемуся в сильном волнении всаднику, еще минуту назад скакавшему подле с окровавленной саблей. Кавалерист хватается за мешочек и ловко отправляет его в заседельную сумку. Бросает свой мешочек и доктор. Воин императора Поднебесной все еще взвинчен и кричит Гэри и Сергею что-то на своем языке. Его не понимают. Гэри разводит руки: мол, нет больше золота. И тогда манегр единственным, удивительным по выверенности движением сшибает кожаный пояс на борчатке Кука. Становится понятно, чего требует манегр. Гэри и Сергей быстро освобождаются от верхней одежды и головных уборов. Обезумевший всадник требует сбросить и оставшуюся одежду, однако Гэри без нажима пытается что-то объяснить. В запале legionер выхватывает из-за пояса плетку и хлещет ею пленника по лицу. То же он готов сделать и с доктором. Но увидев у того в руке медицинский бикс, бьет по металлической коробке плеткой. Банка падает на снег. Подбегает сухопутный солдат и, немного помудрив, банку открывает: медицинский инструмент валится на снег. Кладь китайцу не понравилась. Он прицелился к скальпелю. Однако, что-то себе покумекав, бросает инструмент в снег: недосуг по мелочам отвлекаться, когда вокруг такой жор! Тем временем Субботин здоровой рукой понуро и неспешно принимается собирать инструментарий. Но китаец жестом требует убраться за Амур. Пленники теперь ему неинтересны. Доктор и Кук сделали шаги в сторону левого берега, полагая, что на том расправа завершена. Но не тут-то было. У американца отек под глазом. Он часто останавливается, прикладывает снег и с той же периодичностью спрашивает Сергея: цел ли глаз? Цел. Однако экзекуция не закончена. Она шальным потоком перетекает в новый этап. Куда как более жестокий.

И вот уже два пленника из группы китайских старателей по команде пилят комель высокой, обгоревшей при лесном пожаре сосны. Лесина валится. Два других пленника топорами срубают сухие ветки поваленного дерева. А еще трое пешими солдатами принуждены соорудить из жердей нечто вроде треног. Они вяжут вершинки этих странных треног — назначение их пока непонятно — кушаками из кучи снятых со старателей вещей.

Все это время русские приисковики-«хищники», окруженные манеграми, толпятся плотной группой вблизи «сцены». Сильный мороз сковывает движения, и желтугинцы инстинктивно жмутся друг к другу. Еще никому не понятно, что такое задумал китайский командир. Да и сам он знает ли? Не так уж много времени ему отпущено. Ведь кавалеристы тоже остывают, и надо принимать решение. Крепкий мороз не располагает к раздумываниям. И тогда командир решается: подзвав к себе одного из офицеров, он что-то коротко объясняет. И уже тот становится распорядителем. Отмашка. И пара спешившихся манегров выхватывают из кучки плененных китайцев-старателей двоих. Пленников подводят к поваленной лесине и, заставив раздеться донага, принуждают принять позу на коленях. Тотчас манегры выхватывают из ножен сабли — и головы падают на снег. Распорядитель вновь скомандовал, и легионеры бросились за новыми жертвами. Кучка пленников шарахнулась от них в сторону. Но с тылу обреченных принялись хлестать плетками кавалеристы. И вот уже ведут очередную пару. Один из приговоренных поскуливает, пытается лопотать, смешивая русскую и китайскую речь. При других обстоятельствах такая словесная абракадабра выглядела бы смешной. Блики скользнули по занесенным для удара саблям. Готово. Следующие!

Исчез Мексиканец

...Когда военный отряд китайцев окружил прииск, смятения, паники среди старателей не было. Небольшая часть желтугинцев, главным образом китайцев, попытались первой же ночью расплыться по тайге и там переждать. Вариантом было: спрятать золото в тайге и, может быть, перебравшись на левый берег, там, в казачьих станицах, отсидеться. Даже если отряд задержится на Желтуге надолго, на левом берегу полно приисков, где трудолюбивый китаец-старатель всегда может рассчитывать найти работу, пропитание и кров. Но, пожалуй, не осталось сомневающихся в том, что отряд придет и уйдет, а жизнь хищническая на Желтуге потечет по-прежнему. Старательский промысел вечен, как солнце. Крупными военными отрядами в такие-то северные дали не находишься. А потому все непременно вернется на круги своя. С другой стороны, подданные Поднебесной, как никто, знают, сколь непредсказуема бывает власть на китайской территории. А потому правильно русские говорят: береженого Бог бережет. Да, эти были самыми осторожными. Но не трусами. Ведь среди фартового народа трусов не бывает. Риск у каждого из них, как говорится, входит в программу на жизнь, «входит в золотник».

...Да, кто-то ушел с Желты. Но многие остались. Остались и Кук с Субботиным. Американец присутствует на всех переговорах с депутациями от китайского отряда. Время идет, и настороженность верхушки прииска стала меняться презрением к парламентарам, и даже случаются отдельные экспансивные выпады. Едва удается сдержать «хищников», чтобы до срока обошлось без пальбы. Иначе не миновать артиллерийской бомбардировки. Наверное, командиру отряда докладывают о смене настроений в стане «хищников». Но китайцы не могут решиться на самые жесткие действия: внушительный арсенал оружия старателей сдерживает даже наиболее отчаянных. Вот бы «по частям решить вопрос», разделить, разбить желтугинцев на группы. Однако те не желают по частям. Они держатся вместе. Иные из них, менее терпеливые, даже предлагают

сделать ночью вылазку и обезглавить китайский отряд: «...А пушки попилим на грузила для рыболовных сетей». Затем уж поохотиться на раздробленные подразделения войска, как на осторожных и быстроногих, однако глупых косуль. Верхушка «свободной республики» тоже хотела бы решить вопрос «по частям». И пауза затянулась.

Американец вид имеет озадаченный. Так или иначе, в этот раз дело будет решено в пользу Поднебесной. Поскольку в противном случае командирам отряда головы не сносить. Ресурс исчерпали еще в первую кампанию. Поэтому Кук посоветовал доктору оставшиеся на руках небольшие деньги обменять на золото. Жизнь на старании всегда дешевле золота. А потому, приведись, вдруг да удастся за золото выменять такую малость, как собственная жизнь. Резонно? Вне всяких сомнений.

Гэри недосчитался двух своих лошадей. А поскольку ни Семена, ни Бо рядом нет, он, в очередной раз возвращаясь с совещания верхушки либо со встречи с парламентарями, спрашивает доктора, не увел ли лошадок какой мародер. И вот, вернувшись с очередного randevu, американец набросился на эскулапа.

— Где две лошади, Серж?! — вскипает Кук. — Как вы не поймете, быть может, в них наше спасение! — Однако, сообразив, что на доктора надежды мало, нанял человека стеречь оставшихся коней.

На совещании, когда обсуждалось очередное последнее предупреждение командира военного отряда, Крейтер поставил вопрос жестко: надо уйти с прииска и переждать на левом берегу.

— Нам, всего вернее, удастся отбить атаки китайцев, однако пуля — дура, — здраво рассудил харизматичный немец. Этого «уходим» ждали. Но не было человека, готового сказать его. Как никто не знал, к чему после ухода отряда старатели вернутся. Ведь столько сил и средств положено на обустройство. На Аракане посланцы Поднебесной камня на камне не оставили. Значит, и тут произойдет то же. А еще все знают, что немалые активы Крейтера находятся при нем, на прииске. Здесь он генеральный ростовщик: процент по займу у адепта лют, зато мало кому отказывает, и к нему идут. Словом, Крейтеру и кроме головы есть что терять в случае поражения. Доверенного благовещенской торговой фирмы «Дикман и Ко», получившей на Желтуге монопольное право на торговлю винами, табачными изделиями, старательским инструментом и стеклом, — Крейтера за глаза называют «Золотой стеклорез». За его непреходящую жадность! Семь шкур дерет с «хищника» за всякую мелочь. Нередко желтугинцы предпочитают за нужной вещью отправить в левобережные станицы человека, чем брать в магазинах Крейтера. И еще он невероятно мстителен. Случись, незадачливому артельщику перейти немцу дорогу хоть в малости, и он уже не упускает человека из виду. А месть его страшна. «Барон по нему стеклорезом прошелся», — шепчутся, толкуют о претенденте в жертвы. А коли провел по стеклу резцом, делать нечего — ломай. Иного не остается.

У «барона» в разработке несколько участков. И на полюсах россыпи, и в середине. Американцу, как конкуренту, он не верит, а потому берет металл с россыпи квадратно-гнездовым способом. В нескольких точках одновременно. Врезается, впивается в тело россыпи, словно садист-насильник. Даже если и обманул американец, все равно золото где-то да вылезет. Но поскольку немец платит своим работникам мало и случается страшная текучка, то его участки отрабатываются через пень-колоду. Но Крейтер не тужит. Основное золото он берет не на россыпи.

...И вот свободные граждане прииска разом засобирались сняться. Уже не нужно тормозить чье-то сознание, агитировать, убеждать. Если один из апостолов Желтуги сказал «уходим» — значит, действительно, пора. Иначе целое станет частью. Занервничал даже доктор. Вдруг пропала лошадь. А уж элементы мародерства стали проявляться на первобытном уровне. С той лишь разницей, что

там круг притязаний был узок — каменный топор да выходная шкура; здесь бесстыдно тянут все, что попадает под руку! Пока док искал Волгу, свою ленивую кобылу, на коей выезжал на вызовы страждущих, из зимовья умыкнули тюк с марлей и бинтами. А заодно прихватили почти новые докторовы котики, в коих он любит стоять у секционного стола на операциях: и ногам тепло, и менее утомительно. Причем, когда док начал собирать медикаменты и прочее лекарское добро, в зимовье нет-нет да и заглядывали «хищники» с совершенно отвратными физиономиями. «Да откуда они на прииске взялись, вроде и не было таких-то?!» — сетует док. Порой ему хочется орать лихоматом. Откуда такие?!

— ...Это из вами недорезанных, — как всегда иронично поясняет американец. — Я вам давно толкую: смелее, док, скальпелем! Сме-еле-еэ.

Однако оптимизм оставил и самого Кука. В считанные минуты, пока вместе с доктором решали, какую поклажу оставить, увели еще одну пару его лошадей. И вот тогда американец заметался. Он носится в ближней округе, ища любимого жеребца по кличке Мексиканец, и уже отчаялся ее вернуть. Никто о судьбе вороного ничего вразумительного не сказал. Гэри даже голос слегка сорвал.

— Да-а... — вернувшись в зимовье, Кук, еще вчера неистребимый оптимист и джентльмен, заключил: — Недорубили мы рук, Субботин. Пожалели веревки на этот сброд. Ну да ничего, полюса никогда не сойдутся, а наши с ними пути-дорожки пересекутся непременно!

Купить лошадь в такой обстановке представляется невозможным. Хоть полцарства за коня, хоть все царство вместе с царицей, дочерьми и государевыми фаворитками. К тому же, кто гужом, кто пёхом, все ломанули вперед, к реке. И это только со стороны выглядит пристойно. На самом деле начался исход не меньших варваров, чем те, которые пасут этот исход в бесконтактной, но все же близости. Это сродни всеобщему помутнению рассудка или всеобщему сильному опьянению, и мало кто остается действительно человеком, безо всякой уценки. А мозг пьяного защищен от всего.

Таким образом, и доктору, и Куку пришлось отказаться от мысли взять с собой хоть что-то из вещей. Они уже почти покинули территорию прииска, когда, спохватившись, доктор бросился назад, к зимовью. Позже Субботин нагнал Кука, в его руке болтается жестянка с инструментарием.

Между тем их все еще кто-то обгоняет. Собирались ночью, а вышли под утро. И вот теперь день, и стало видно, как растянулась колонна. Авангард успел пересечь Амур. А китайские кавалеристы придвигаются к отставшим все ближе и ближе. И откусили-таки хвост растянувшейся на версты маршевой колонны в самый момент, когда доктора и Гэри перестал кто бы то ни было обгонять. Наши герои оказались последними. До реки полверсты, но градус тревожности достиг предела. И, как всегда, Кук заглушает волнение болтовней.

— Док, об этом, кажется, я вам не говорил. Ведь в большинстве стран сплав добытого шлихового золота производится на месте. С рудников и приисков отправляют уже слитки лигатурного золота, поскольку при пересылке шлиха обычно случаются его потери. Черт с ним, паровым экскаватором, не пришло еще его время на россыпях Сибири. Но следовало бы нам закупить свое золотосплавочное устройство. Мы могли бы на Желте сплавить до двадцати тонн! Считайте, Субботин! — И Гэри поддел носком сапога снежный сухарь. — По пятьдесят центов с килограмма. Десять миллионов! Это сегодня. Это пока в России за аффинаж берут в шесть раз больше, чем во Франции или у нас, в Американских Штатах. Вдумайтесь, док! Двести десять рублей с пуда чистого золота!

— Но вы уже пытались привезти на Желту экскаватор, — отмахнулся доктор.

— Бросьте, Субботин, — не унимается взвинченный американец. — Я же вам говорил и теперь говорю: экскаватор, любая другая паровая машина для выемки и перемещения грунта — это перспектива золотодобычи на россыпях. Вот увидите, если захотите увидеть: за машинами будущее. Россыпи вскоре истощатся. Таких, как Желтуга, может, уже и нет более. Ведь надо будет отрабатывать большие площади, перемещать на вскрыше миллионы и миллионы кубов грунта. А людской ресурс не безграничен. Почему-то на востоке империи ни до чего у вас, русских, руки не доходят. Будто нет рук!..

Гэри молвит одно, а думает о другом. Он беспощадно ругает себя. Как получилось, что он, Гэри Кук, умный, изворотливый, опытный, искушенный... остался без лошади в судьбоносный момент. Может, в ключевой момент всей его сумасшедшей переполненной яркими событиями жизни. Как?!

— ...А если б к аффинажу да производство монет из золота! — продолжил после паузы американец. — Разве не захотел бы тот же лукавый Крейтер иметь золотые монеты чистоты девятьсот девяносто девять долей с собственным профилем?! Первым бы прибежал! А мы ему: полпроцента за чеканку, батенька Стеклорез! Извольте-с из двухсот монет одну в мой кожаный саквояж. На память-с! — «Дорого-с!» — возопит барон. — А мы ему: извольте-с в таком разе отпечатать ваш горбоносый профиль где-нибудь в Мексиканских Соединенных Штатах. Где с вас за чеканку возьмут никак не меньше четырех с половиною процентиков. Вам плохо-с, господин Крейтер? — начал уж совсем как на подмостках играть Гэри. — Тогда подите сюда. У нас и приличный доктор для вящей надобности имеется. Пользуйтесь плодами выработанной за сто лет свободы культуры общения, привнесенной в земли поамурские. Куда там вашему кайзеру Вильгельму Первому или, как там его... Отто Бисмарку...

— Послушайте, Гэри, чего это вы все нападаете на Крейтера? Что вам-то плохого сделал сей достойнейший муж? Многие барону верят. Многие. И вообще, с виду — интеллигентнейший господин, немецких классиков на память страницами, целыми главами читает! — не соглашается по персоналиям Субботин с Куком.

— Ничего личного. Но когда я увидел сегодня рядом с Крейтером того самого прохвоста, который, как мне донесли, увел Мексиканца...

— При чем здесь Крейтер, если некий прохвост сумел умыкнуть вашу лошадь? — Даже перед лицом смертельной опасности Субботин предпочитает видеть в людях только хорошее.

— А вы так-таки и не можете представить себе, что один высокопоставленный прохвост может приказать другому, несколько не поставленному прохвосту специально украсть жеребца именно у меня? Ну, вы, батенька, аккурат персонаж для басен. У вас в России любят... Эзоповы басни. Только даже ваши замечательные иронические нравоучительные литературные миниатюры никак не способствуют переходу количества ума в его качество. Вас, русских, вообще трудно чему-либо научить... — Гэри даже и не пытается скрывать досаду на своего неизменного товарища последних лет.

...Да, круг замкнулся. И теперь спутникам уже не до разговоров или выяснения отношений. Выжить бы. Досадуя на себя, на цепь промашек, Гэри все же старается в момент истины оставаться человеком. Как и доктор, не задумывающийся о том, как сам выберется из ситуации, отдавший свою душегрейку старателю-китайцу, с коего кавалерист, ища золото, содрал всю одежду. Однако золота нет. Похоже, «хищник» успел его где-то припрятать по дороге. И воин, потомок тунгусов, в чьих глазах совсем не угадывается даже и малого намека на сострадание, а лишь бесконечная алчность да злоба, уже готов выхватить из ножен саблю и раскрыть соплеменнику череп. Позже

участь пленника решили и без манегра. Старатель был выхвачен из толпы и брошен к злополучному бревну. Как и пара казненных минутой раньше, «хищник»-китаец безропотно склонил голову, всецело отдаваясь вершителям его судьбы. Однако подавить собственный страх не может и едва слышно поскуливает. С него сорвали последнюю одежду. Сабля манегра сделала свое дело, и кровь хлестанула на брошенную рядом душегрейку, которую минутами раньше уступил китайцу док.

Следя за процессом продвижения очередной пары приговоренных к смерти по известным уже этапам, доктор узнал в одном из той пары Бо. Несчастный Вэн Бо уже никого ни о чем не просит. Слишком незатейлива, скоротечна и безумна процедура приведения приговора в исполнение. Бо стоит у бревна на коленях, и, кажется, снег плавится под ним. Тогда доктор рванулся из тесноты слипшихся, спянных морозом тел и кинулся к старшему на казни.

— Я заплачу за него! — хватается Субботин за стремя, и мокрая от волнения рука прилипает к прокалившемуся холодом металлу. — Я заплачу за него, у меня есть золото! — в сильнейшей степени волнения бьется о круп лошади Сергей. Однако его никто не понимает. Да и кто тут готов и расположен понять. Манегры? Может, офицер? Поздно. Сабля в очередной раз бликами взорвала, испугала, всколыхнула серый день. И доктора перестали слушаться ноги.

Трудно сказать, собирались ли устроители продолжать казнь, только на этом она пока что и закончилась. Доктор, коего всадник хватил по голове умытой кровью саблей, повалился на окрашенный снег.

— Зачем вы так, Субботин?! — выговаривает едва живому товарищу Кук. — Там ведь уже ничего нельзя было изменить. Вы думаете, мне не жаль Бо? Но мы должны были заплатить не нами назначенную цену.

Доктор едва передвигает ноги, когда его под руки ведут двое через реку, а кровь из обширной раны на темени заметно орошает снег. Но и тут, приложив бинт на место раны, доктор пытается спорить. А то вдруг требует выяснить, куда запропастился его бикс, словно бы жестянка сама по себе была способна поднять, вернуть к жизни убиенных. Между тем банка цела. Ее несет один из русских желтугинцев. А все китайские «хищники» принудительно оставлены на правом берегу.

— Эх, да ничего нельзя поделывать уже с той самой минуты, когда оронч Ванька впервые нашел здесь самородок, а потом выменял за него у купца несколько фунтов дробы да фунт пороху, — бредит Субботин, коему говорить стоит больших усилий.

Где-то на середине фарватера неширокой в этом месте реки они остановились, с тем чтобы бросить назад, быть может, последний взгляд. Обезглавленные, обнаженные, быстро застывшие на нешуточном морозе тела китайских «хищников» подняты со снега. Изобретательные устроители казни прислонили их к поваленной лесине. А головы желтугинцев, в просторечье «хищников», какие были увенчаны особенно длинными традиционными для китайцев косичками, болтаются подвешенные на собранных из жердей конструкциях. Голова Бо покоится на лесине, а глаза смиренно прикрыты. Вопля его манегры так и не услышали. Закончилось великое терпение маленького китайца. Теперь Вэн от терпения освобожден.

— ...А что говорит медицинская наука: холодно ли было этим господам за секунду перед казнью, когда уже точно знали, что умрут? — спросил доктора великий жизнелюб Гэри.

— Что может объяснить наука, когда нравственность рухнула в преисподню? — вопросом на вопрос ответил доктор. Путники продолжили движение. И вновь оказались последними, в последней скорбной колонне. На левом берегу никто их не встречает. Здесь толпятся люди из остатков

колонны, перешедшей реку раньше. Из тех, у кого нет определенного плана, куда теперь двигаться. Вполне может быть, что и некуда. Тут люди на лошадях и пешие, кои подтянулись на берег из соседних казачьих станиц, прослышав о больших событиях на Желтуге. А впрочем, есть и удивительные исключения.

Обшибочка вышла

Мы с Диогеном немало подивились тому, что навстречу арьергарду приисковиков направился Прохор. Тот самый Прохор Калязин. Здесь же в толпе и Семен Огольцов.

— Прохор, ты-то здесь зачем?! — воскликнул Кук. — Небось празднуешь приобретение новой избы да женитьбы на молодухе! Экий пижон! Смотри, Серж, как приоделся! А на той стороне пока что делать нечего! Если, конечно, тебе дорога собственная голова. В противном случае изволь, — американец потешно посторонился, всем своим видом давая Прохору понять, что путь открыт. Только едва ли Калязин действительно озабочен сохранением собственной головы.

Должно быть, сразу наметив цель, Проша напрямик направился к старателю, что несет докторову жестянку.

— Пошто она здесь? — странным образом тараща глаза и нервически улыбаясь, спрашивает Калязин «хищника», несущего в руке банку. — Как она здесь?! — Вырвав из рук старателя ношу, Проша прижал банку к сердцу. — Я же всем говорил: была у меня баночка, был пудик-то. А они морды кривят! Даже друг мой Петька Воскобойников! — Прохор сделал гримасу, готовый всплакнуть. — Всем говорил! — Теперь Калязин уже плачет, и крупные слезы падают на носки яловых сапог, тотчас превращаясь в стылые капли. — ...А мне никто не верил. Так пушай же знают: Прохор не пустомеля какой, Прошка Каляза фартовый старатель, удачник!

— Да ты пьян, батяня, — возмущенный нахальством и бесцеремонностью Прохора, набросился на него парень, коему доверено охранять баночку с инструментом. — Это баночка-то докторова будет! — шурует молодой старатель руками. — Док меня с тово свету вернул в прошлом году... уже и гроб товаричи сладили...

Но коли собрались два «хищника» биться где-то на воображаемой меже, трудно их урезонить или разнять. Не уступят. Обязательна сшибка характеров вплоть до смертоубийства! И тут не важны весовые категории и иные внешние атрибуты силы. Бьются характеры. Вот уже кровавые сопли у одного и другого, но тут разнимать кидаются местные, из пришедших на берег поглазеть на исход желтугинцев. Драка разрастается, вовлекая в орбиту все больше народу. Сверкнули кованые, камнем доведенные до чудовищной остроты лезвия старательских ножичков. Но. Банка падает на снег, крышка отлетает в сторону... о, разочарование! — все видят, что никакого золота нет, а лишь хромированные мелкие железки, из коих знакомы, понятны и привычны только ножницы. И те какие-то диковинные, неправильные, так что резать ими ткань, пожалуй, будет неловко. Вздох разочарования вырывается у взволнованной публики. Не получилось приключения с достойной развязкой.

Теперь только Калязину баночка интересна. Опустившись на колени, принимается собирать железки. Падая на дно банки, они издадут непривычный уху мирянина звук. Прохор озадачен, он что-то натужно соображает. Железки собраны, Проша накрывает банку крышкой и подает доктору.

— Не моя баночка. Обшибочка вышла, Серёга. Возьми. И отдай мне мою, — успокоившись, просит Калязин. Его трогает за руку Семен Огольцов, пытается обнять и успокоить. Но сейчас не дружеская забота нужна Прохору, а совсем другое, конкретное. Сейчас же, немедленно.

— Нет у меня, дорогой друг, больше баночек-то. Вот в чем проблемка. Хочешь, возьми эту, — мученически выдавливая из себя слова раненый и измученный доктор. Впрочем, нашелся-таки сердобольный горячий казачок, который, сняв с себя потертую курмушку, набросил одежду на плечи доктору. А Гэри, вынудив из-за голенища стопку купюр, откупил себе одежду у другого казачка. Тот, не веря, что столь удачно втулил свою обтерханную гулами, без промедления скрылся в толпе.

— Отдай мою баночку Христа ради, — незлобиво попросил Прохор доктора в очередной раз.

— Нету, Прошка, больше банок. Хочешь золотого песку — иди на правый берег. Солдаты тебя удовлетворят, — скороговоркой частит американец, увозя Субботина.

— Отдай, батюшка, Бога ради! — умоляет Калязин, затем выхватывает из-за голенища ялового сапога нож и бросается на доктора. Но в ту же секунду подсечка, кто-то сшибает «хищника» на снег. Снова куча мала. Прохор еще успевает полоснуть ножом по поддевке одного из своих обидчиков. Однако обходится без крови. Нож выбивают из рук, и он летит в снег, в кустарниковую гущину.

Стремясь скорее увести Субботина с берега, Гэри силой увлекает его за собой. Друзья идут возможно скорым шагом. Но каждый шаг дается с трудом. Сергею неможется. Беглецам приходится остановиться в пяти шагах напротив нас с Диогеном.

— Знаете, док, похоже, последняя пара недель была у Прохора не из легких. Что вам подсказывает сердце эскулапа — теперь ему дорожка аккурат в богадельню для душевно больных? — спросил бесконечно уставший за этот длинный-длинный день американец.

А Калязин, поднявшись после потасовки на ноги, долго отряхивается. Уже нет на одежде снега, а он все бьет, бьет себя ладонью по борчатке, поднимает и отряхивает шапку. Оглянувшись на толпу зевак, Прохор понуро бредет к реке, в сторону китайского берега.

Проша болен и не в состоянии понять простой очевидной вещи: прииска больше нет. Весь вышел, исчерпал себя. Закончилась скоротечная, ярчайшая эпопея свободной республики «хищников». Впрочем, что Каляза? Этого покуда не понимают и тысячи других золотодобытчиков, солдат форта, слуг удачи. Сюда все еще прибывают люди — из Сибири, с Урала, из губерний Нечерноземной полосы... и Черноземной тоже. Прибывают из Европы и Америки. Но. Всё! Отыграна генеральная репетиция перед главной эпопеей вольного промысла на золотоносных россыпях, которая позже случится в бассейне реки Клондайк на диком северо-западе Канады. В начале следующего века она вызовет пресловутую «золотую лихорадку». Однако первая россыпь на Юконе будет разведана через десяток лет. А тут, на Желте, морозной стыллой зимой одна тысяча восемьсот восемьдесят шестого года все закончилось. Власти Поднебесной еще предпримут попытку организовать добычу, однако лучшие старатели в это время окажутся заняты на русском берегу. А потому Желтуга уже никогда не будет иметь прежнего бодрящего монетного звона в мире золотоискателей, какой услаждал их слух эти три года. Слишком истощились запасы россыпи, очень уж старательно потрудились добытчики. Хищники.

...

...Иду быстро, моментами бегу и проговариваю, проговариваю сразу врезавшиеся в память строки. Собственно, давно уже приучил себя использовать в качестве тренажа чтение вслух её стихов с выражением, глядя перед собой, будто перед камерой.

Усталость чуть сковала мышцы, немного задыхаюсь. До табора с километр, может, полтора. С бега перешел на быструю ходьбу, рассчитывая лучше сориентироваться и чуточку срезать путь. Но тогда придется подняться на сопочку, спуститься, перейти вброд ключик Кипучий, отдаленно напоминающий Синель в малую воду. За ним неподалеку наша всегдашняя стоянка. Иду и громко разговариваю с собой, чтобы, если Ч и появится рядом, постараться заглушить этот спонтанно возникший животный страх перед ней, пройти дальше к табору. Там хвачу из бутылки и если не уболтаю ехать в город, то хоть выплуюсь.

Вбегаю на сопку, стремительно сбегая по склону вниз к ключу, где рассчитываю перекурить, чтобы к табору идти, чуточку успокоив дыхание. Несусь будто потерпевший: ремень карабина цепляется за сучок, кубарем лечу вниз, не выпуская ремня из руки, выстрел, шок, гаснет свет.

Припомнить детали

...Не могу припомнить деталей картины. В углах ее черно, по полотну гуляют светотени. Лежу на листве под дубком, рядом другие деревья. Звезды. Холодно. Цепенеет правая нога. Что с ней? Пытаюсь пошевелить пальцами, всей ногой, меня в ту же секунду будто выключает. Проходит сколько-то минут, а может — часов, возвращаюсь. Те же деревья, звезды, хлюпающий внизу ключ, я. Моя правая нога холодеет. Понимаю: мне не привиделось, и это не сюр. Пытаюсь пошевелить пальцами ног. Меня в ту же секунду выключает. Через некоторое время — не ясно, сколь прошло минут или часов — очнулся. Рука сжимает то, что на пороге болевого шока, собрал под собой: траву, хвою, сухие листочки, мелкие сучья, желуди или мелкие камни. Внизу справа мокро. Кровь. Хочу пошевелить пальцами правой ноги и уже боюсь это сделать. Предыдущие попытки ни к чему хорошему не привели. Свет. Какой-то свет снизу. Пошарил рукой. Нащупал фонарь. Кое-как пальцами правой руки ухватился за пяточку фонаря, подтянул его ближе, взял в руку. Боюсь осветить раненую ногу, чтобы глянуть — что там. Посветил и обмер: от рваной коленики далее вниз нога развалена. Я заскулил, как Диоген, которого, как обжору, нахала и выскочку, взрослые собаки частенько трепали в детстве на участке артели. Завыл от боли и отчаяния: Лариоша, этого только тебе и не хватало! Проклятая Ч! Один короткий премерзкий разговор — и я в луже собственной крови. Пытаюсь уговорить себя успокоиться. Но откуда взяться рассудочности, если я понимаю, что двенадцатиграммовая пуля — совершенное немецкое изделие — вошла в коленную чашечку и развалила берцовые кости в труху, ощепки раздробленных костей вынесло наружу, и острые их края торчат из рванины брюк. Слов нет, останавливающая сила усиленного импортного патрона выше всякой критики. Но понимаю и другое: если бы пуля порвала крупную артерию, шансов никаких не осталось бы — биологический насос способен выгнать кровь в считанные минуты. В этом случае амнезия, скоротечное угасание, смерть. Не могу сориентироваться, сколь времени лежу рядом со студеным ключом, стынть которого ощущается. Будь с нами в экипаже Серега, тот уже давно вышел бы навстречу. И уж точно организовал бы поиски. Мысли в голове сменяют одна другую калейдоскопически. Но это все не то. Практической пользы от этих мыслей никакой. Мороза на почве еще нет. Однако внизу, у стылого ключа, на самом деле, прохладнее, чем на прогретой за день бочине сопки. Прикидываю, как бы без боли выбраться из распадка наверх. Предпринимаю попытку перевернуться на бок. Тотчас выключает острейшая боль.

«Много мяса»

...Очнулся под утро. Лежу на спине, с надеждой наблюдаю, как за сопкой светлеет. Уже, наверно, около семи. Если не искали ночью, то уж поутру что-то предпримут наверняка. Эх, я же толком их даже не знаю. Жали руки при встрече, назывались имена, но, хоть убей, не могу сейчас припомнить ни одного. Все какие-то... вижубуи. Ну да, водитель все время откликнулся на имя Алексей. Я занял себя тем, что заставил напрячь мозги и вспомнить по именам всех. Водила — Алексей. Это точно. Батюшку все звали батюшкой. Пусть батюшкой и остается. Тот рыжий, который доктор, все его звали как-то смешно и знакомо. Ах, вот оно что: Перепелица. Значит, Максим. Раз Перепелица — значит, Макс. Хорошо, молодец, Гена. А как тех двоих? Один угрюмый и высокий. Адская боль! Посмотришь на коленку — жить не хочется. Отбегался соколик. Да, как там угрюмый? Кот! Другой, который блондинистый, они вместе тут из знакомой мне через кого-то компании охотников... Блондин угрюмого звал Кот. Котом звал. Что? Выходит, Костя? Я хорошо знал вратаря нашей футбольной команды мастеров Костю Козореза. Крепкий такой. Когда играет на выходе из ворот да выставит вперед чугунную коленку, форварды соперников от него панически шарахаются. Не один на его коленке зубы оставил. С Котом в студенчестве играли на хоккейной коробке «в дыр-дыр» на двое маленьких ворот. На пиво бились. Два укороченных тайма по двадцать минут. До крови. Или чья команда первой забьет двадцать голешников. Костю мы звали Котом. Забил двадцать — получай ведро пива «Колосок». Где Кот — там пиво. Сейчас бы пивка. Хоть бы и того «Колоска», что ли? Дерьмовое пиво, по правде говоря. Нет, холодненькое когда, то ничего. Холодненького бы... Облизал сухие губы, на которых отчего-то почувствовал запекшуюся кровь. Так лететь по крутояру — неудивительно, что морду расписал. Ладно. В телевизоре мне больше не блистать, а Сеатка примет и такого.

— ...Может, примет. Может, нет... — Ч слева уселась на холмик муравейника и с интересом рассматривает. — Экие мы самоуверенные... Да-а, уделался ты капитально. — Розовые искорки в глазах Ч — это, как понимаю, от угасающей зари. — Сеатка твоя уже дома. Не бойся, Плетнева с нею сейчас нет. Всё, что нужно и можно было сделать, он сделал. Сейчас с ней сидят Дарья и Настя. Вообще, на заимке собралась куча народу. Ты вон вызвал из Куликана Ольгу с мальчишкой, она приехала, а папаша от нее да от сына своего единокровного сбежал на охоту. Сошла с утреннего поезда, стоит сейчас с неподъемными сумками, с гостинцами куликанскими, на вокзале сиротой, держит мальчишку за руку, потерянная, чуть не плачет. Я даже свою бабью слезу уронила. Так жалко. Затем взяла, сердешная, такси. Долго водитель искал твой хутор, твою заимку. Кучу денег этому врагу насыпала в фуражку-восьмиклинку. Пришла к воротам. Дергает веревочку. Звонит медный колокольчик. Звонит и звонит. За воротами Диоген на цепи заливается, но никому из людей нет дела до Ольги с незаконнорожденным. Бабы впустили, куда уж деться, коли с ребенком. Стоит в прихожей никому не желанная. Мальчишка почуял это, ревет, сопли со слезьми растирает по раскосой мордахе. И вот так у тебя всегда. Хорошо еще, Сеата лежащая, а то как захватила бы незаконную с незаконным выводком — и летели бы они до самого до стойбища Кости-охотоведа.

— Блин... забыл, что должна подъехать Ольга со Степаном. Черт! Ну правда забыл. Правда! Слышь, ты... — выгнулся я в позвоночнике от отчаяния. И меня так прострелило болью, что тотчас полыхнуло в глазах. Отрубился. Очнулся, наверно, к полудню. Ч рядом — ровно там же, где устроила сидьбу в первую минуту. Сориентировался. Солнце отбрасывает тени в мою сторону. Значит, полдень. Но где люди? Почему меня не ищут? Дорога в километре от ключа. А там еще по дороге до табора метров пятьсот. И редкие осенние мухи. Проклятые! Облепили рану и ползают по ней, насыщаются. Живо представил себе, как они обсеменяют рану яйцами и ждут момента, когда появятся личинки, все время прилетая проверить, как идет процесс. И деловито топают, топают

своими ножищами по открытой ране. Беру хворостину и пытаюсь гонять мух, однако даже с этим справиться не могу. Они глядят на меня шальными глазами и хохочут так громко, что закладывает уши.

— Слышишь ты, ангел-хранитель! — пытаюсь говорить и понимаю, что из гортани не словами бросаю, а хрипом. Мне только кажется, что говорю. На самом деле каркаю, как вот тот ворон, усевшийся на ветке отдельно стоящей на мари березы. Сидит символ дикой тайги, сам себе бог и господин. Вроде собой занят, колобродит крыльями. То так их складет, то иначе, и все ему не нравится. По ветке перетаптывается, будто холодно его лапам, а то принимается что-то искать у себя под мышками — может, докучливых блох гоняет. То и дело поглядывает в мою сторону, на секунду задержит испытующий взгляд и тотчас почти виновато отвернется: «Нет-нет, вы не подумайте чего, я не в претензии. Вы сами по себе, я сам по себе...» Но я-то понимаю, что даже в таком моем состоянии смогу шугануть приземлившегося рядом ворона, если вздумает чего-то от меня оторвать клювом. Да и Ч не даст пропасть. Я всё еще на неё рассчитываю.

— Слышь? А где там мужики? Они хоть ищут меня или по новой водку пьянствуют со сранья?!

— Уже обед. Пообедали. Пошли чесать ерники, — флегматично ответила Ч. — Только что цепью прошли рядом с тобой. Ты был в отключке. Их спины и сейчас вижу. Которого ты назвал Котом, тот, вижу, пощипал куст шиповника, куст пощипал его. Уколотся дурачина. И дальше побрел тот Кот. А его напарник блондин застрял на брусничнике. И его вижу. Флегматичный такой чел.

От устраненности Ч, от ее наплевательского отношения к участи тяжелораненого у меня случился такой прилив отчаяния, что завизжал, забился и принялся орать вслед уходящим моим спасителям что было сил. Понимаю, что меня опять вырубят, и все равно ору. Но тут меня осенило: в карабине есть три патрона. Я пошарил рукой, но рядом «браунинга» не оказалось. Пошарил левой ногой, делая амплитуду как можно больше — тоже без толку. Но ведь карабин обычно у меня на правом плече. Значит, и искать надо справа. Вытянул руку в сторону что было сил и нащупал-таки, нащупал ремень суперовой машины, коих в области на этот момент не больше пяти. Потянул за ремень, сколько-то помучился, и карабин оказался в руках. Раз был выстрел, который меня обездвигил, значит, в магазине остаются еще три патрона. Поднял ствол, выстрелил в воздух. Дернул затвор еще раз и вновь выстрелил. Очень хотелось мне побереечь последний патрон. Но тут уже делать нечего: мужики рядом, услышали или нет первые выстрелы? Наверно, услышали. Но удалось ли им сориентироваться, откуда прозвучал выстрел? В эту минуту товарищи наверняка остановились, сосредоточились, каждый из них превратился в большое ухо. Тут бы сделать акцент, показать, что я совсем рядом. И я пальнул в третий раз. Чтобы уж наворочку. Пуля чиркнула по стволу березы, срикошетила и ушла в сторону с характерным воем. Всё! Теперь пусть только не найдут меня, макаки... что Кот, что поп... Зарою! Пока восстанавливал дыхание, позволил себе чуточку похвалить себя: я молодец, я дотерпел. Только отчего ухмыляется Ч, мне непонятно. Я пытаюсь подначить ее, хоть словом зацепить, чтобы прилило оптимизма. Мне он сейчас ох как необходим. А пока держу нервы в руках, отдавая этому остаток сил. Так тяжело мне еще никогда не было. Спину давно, еще с вечера, сковал лютый холод, и я ее не чувствую. Поэтому все манипуляции руками — через адскую боль. И я понимаю: даже если с ногой обойдется — соберут ее наши костоломы, что-то уберут совсем, что-то заменят на металл и в итоге поставят меня на ноги, — то воспаления легких мне не избежать, это точно. Сейчас главное — не уступить холоду. И я принимаюсь водить руками в стороны, делаю это столь неэнергично, будто в сильно замедленной съемке, что Ч начинает всхлипывать от хохота. Ничего, дуреха, сейчас мужики подвалят, возьмут

мою «мотороллу», это двухкилограммовое чудо связи, поднимутся на верхотуру сопки, свяжутся с городом, и «вертушка» меня заберет. Да, важно, чтобы у врача санавиации была анестезия, ведь эту адскую боль терпеть становится невозможно.

— Слышь, подруга, напомнишь, когда наши будут звонить в город, чтобы сказали про анестезию. Больше анестезии!

— Ой, уморил... какая анестезия, какие «наши»? Они вон нажрались брусники и подались на табор. Послушай, что болтают: «Генка, наверно, уже ободрал вчерашнего изюбряка и теперь, вернувшись, сидит на таборе, кофеек попивает и нас, полоротых, материт». Сейчас вернутся на табор, примут по стакану, в свою очередь поматерят тебя за нерасторопность и самодеятельность и завалятся спать. Во сне будут ждать твоего мяса. Мно-о-о-го-о мяса. А ты сам — мясо! Ну, погляди, погляди на свою ногу... Разве что к вечеру опомнятся. А там ночь. Напомни, о какой там девушке со странным именем Анестезия ты мне говорил?

Дурацкая брехня Ч взбесила.

— Ты заткнешься когда-нибудь — или мне пристрелить тебя?! — дернул затвор карабина, запрокинул голову сколь мог и пытаюсь выцелить в голову, но ствол болтается, будто я пробежал километр на пределе сил. И все же, преодолевая лютую боль, выцелил и на задержке дыхания нажал на курок. Щелчок. Замогильная тишина. Только слышно шуршание и неровное пение странных птичек с пестрыми крылышками, да ворон на березе совсем уж внимательно, чтобы не сказать заинтересованно, наблюдает за нашей с Ч суетой. Да уж, ворон — знаковый таежный персонаж. Это вам не городские ворона да муж ее — ворона. Те рядовые шугливые помоечники. Этот — реальный сильный и умный враг. В отчаянии отбросил карабин в сторону и стал прикидывать, нет ли у меня в карманах еще пары-тройки патронов. Да хоть одного патрона. А и есть! Когда по приезде на место у импровизированного стола, нажравшись и напившись, мои приятели без разрешения принялись лапать «браунинг», в казеннике был патрон. Подальше от греха я дернул на себя затвор, инжектор выбросил прочь латунного, почти золотого, ладного красавца, патрон упал под ноги. Подняв его, сунул подальше во внутренний карман. Но как тот патрон теперь достать? Это же надо снять куртку, что невозможно в принципе. Да меня элементарно сожрет, уничтожит адская боль! Как движение — так на два часа вырубит, как движение — умри еще на час-два, а ведь до ночи совсем недалеко. А если пожалует «босой», чем я с ним буду разговаривать? Какие у меня имеются аргументы? А он придет. Ведь кровь чует за десять километров. По ключу запах распространяется быстро. По ключу и придет. Обязательно надо достать патрон. Лариоша, надо вынуть патрон. В нем твое спасение. Что стоило бы Ч сунуть руку мне под мышку и достать патрон, а? Нет, сидит в двух шагах и сверху рассматривает, как играют серебристые хариуски в ключе. А те и рады: наперегонки выпрыгивают из воды за мошками, и блики играющих рыб раскрашивают цветную таежную жизнь еще ярче. Для Ч она яркая. Для меня — серая, переходящая в черную. И какой-то странный шелест при возвращении из небытия в мир живых. Будто сухой прошлогодний галечник посунули старательской бутарой. И все же пытаюсь заставить себя потерпеть боль. Переваливаюсь на правый бок. Терпеть этот ад нет сил. Боль до сполохов, до фейерверка в глазах. Кажется, снопы искр, брызжущие из глаз, подожгут тайгу. Как бы то ни было, запускаю руку в левый внутренний карман, но там патрона нет. О Боже! Зачем же я сунул его в карман, да еще и дальше — в карманчик внутри кармана, который на липучке. Если еще раз предприму попытку забраться в такие дали, меня точно вырубит. Но откладывать нельзя. Совсем скоро сумерки, а за ними ночь, которую здесь мне не пережить, не сдюжить.

— Радуйся, Ларионов. Опять идут твои товарищи. Заблудились, что ли? — Ч сосредоточенно вглядывается в сумерки, куда теперь обратил взор и я, лежащий на стылой земле, почти лишенный возможности двигаться, отчаявшийся до крайности. Чу, кажется, слышу голоса. Вслушиваюсь, бросив все свои ничтожные ресурсы для того, чтобы услышать. Вроде переговариваются меж собой двое. Неспешно идут и негромко переговариваются. Я выгнул спину, с хрустом оторвав примерзший к стылой земле позвоночник, чтобы больше набрать воздуха в легкие, и ору, чтобы услышали, остановились и забрали наконец меня. Ведь еще одну ночь мне не пережить. У меня тяжело больна жена. Серега мучается в плену. Сын растет без отца. Ради и во имя сына услышьте, наконец, меня! А-а-а, э-э-э, а-а-а! От такого громкого крика с ближних ко мне деревьев должна слететь последняя листва, рокового ворона должна свалить звуковая волна.

Между тем ворон сидит на том же месте, а листву слегка ерошит поднимающийся от нагретой солнцем мари по ручью вверх теплый воздух. Но ведь это мой последний шанс! Я проникаю рукой в карман, пальцами нащупываю липучку малого карманчика, воя и всхлипывая, проникаю и в него, указательным и средним кое-как беру патрон. И меня вырубает. Что уходил, понимаю, только когда пошел шелест галечника по возвращении на землю. Уже ночь. С ужасом принимаю эту данность. Плачу. Сморкаюсь, неспособный смахнуть слезь и воду с лица. Собственно, мне это теперь и не нужно. Патрон сжимает рука. Но впереди длинная ночь. Ч рядом. Клюет носом, кемарит. Временами встрепенется, глянет в мою сторону, жив ли еще курилка, и вновь засыпает. Почему ей не холодно? Но ведь и не спросишь. Она всегда на периферии, вроде и рядом, а далеко. Правой рукой нащупываю металл карабина. «Браунинг» рядом. А мне казалось, что я забросил его туда далеко, к ключу. Ствол направлен мне под мышку. Беру за ременную скобу, подтягиваю оружие ближе. Небольшая передышка, беру «карабин в руки», отвожу затвор, вставляю патрон, досылаю его в ствол. Так-то лучше. Но как перемочь эту длинную ночь? Минимум двенадцать часов! Тяжело на тракторе крутиться весь световой день по полю, таская картофелекопалку, да еще матеря нерасторопных бабенок и «негров» из хуторских бичей, работающих за поденку, которую выдаю ежевечерне. Но какое это счастье — работать на своих гектарах! Я готов отдать этому занятию сколь угодно много времени, если б можно поменять прозябание перед финалом здесь на мучения на картофельном поле. Как я люблю свое поле. «Я люблю тебя, мое поле». Я люблю Дашутку, когда, повязав по-староверчески платочек, она неспешно идет по грядам, неся в ведре клубни. Такой я ей все обиды простил бы. Если б они у меня были. Люблю и Настю. Особенно Настю. Когда она идет за трактором впереди своего хоровода из бывших, с кем мы работали ночами перед старательским сезоном. Я люблю раз в месяц привозить девчонкам картоху в их общаги. И даже люблю переть гребаные тяжеленные мешки на пятый этаж. Люблю привозить им елки под новогодний праздник, когда в комнате набивается студенческий народ, и парни-то все нормальные, играют на гитаре, поют теплые и умные песни Визбора, и у меня подарок к празднику. Люблю Милу. Хотя все чаще подумываю, что Серега не совсем прав, когда говорит, будто вытащил из колоды бубновую даму. Когда вижу, как она помыкает своими пацанами, прикидываю — в эти минуты Милиция больше походит на даму крестей или даже пик. Люблю, когда Сеата сидит на мансарде и смотрит, как дружно мы работаем. Как я люблю эту жизнь! Но как я ненавижу эту адскую боль! Если я не перебинтую ногу, начнется абсцесс, заражение. И может стать необратимым. Впервые я подумал, что на поясе у меня нож. Вынул его из ножен и прикидываю, как бы порезать на полоски рубаху, что под свитером. Рубаха чистая, утром надел. Нет, выходит, позавчера утром. Только начал резать рубаху, как меня прострелила острая боль от коленки вниз и вверх одновременно и отозвалась в позвоночнике. Я осветил фонарем в область колена, и от увиденного меня прострелило в позвоночник еще раз. Как можно собрать это

воедино? Это никогда уже не будет ногой! Провалиюсь тут до утра — и тогда верная гангрена. Что же, придется вернуться на телевидение. Буду днями сидеть в винтовом кресле и формировать материалы для вечерних итоговых обзоров. Стану непьющим, злым, тормозным... все возненавидят меня. А может, Глыба — Сашка Плетнев — к себе пристроит. У него в офисе половина бездельников. И ничего, притулились к теплой печи, услуживают помаленьку и в ус не дуют. Когда шеф в офисе появится, готовы, кажется, повернуться к нему любым местом: отымей, кормилец, попользуйся ради доброго здоровьичка. А когда его нет, все эти прихлебатели — сама вальяжность. Не знаешь, как спросить этих стрельцов, этих бояр, какие подобрать слова, дабы не обидеть своей глупостью. А Сашки преимущественно таки и нет. То он на руднике, то он на новой стройке, то в Белокаменной, а то и за рубежами с инвесторами договаривается. Тогда для этих прихлебателей наступает время релаксации. Словом, сплошная расслабуха. Мне с моей культей в самый раз пристроиться замом по связям с общественностью. Скрип, скрип протезом, зевнул беззастенчиво во всю пасть: «Задавайте, господа, ваши банальные беспонтовые вопросы». Скрип-скрип: «Простите, но сегодня у предприятия не лучшие дни, сдача нового крупного объекта, каждый миллион долларов на счету... нету бобосов, господа», — издевательски развести руки в стороны и громко топнуть протезом. И так дальше. Можно спиной притулиться к той Сашкиной печи. Однако чем-то ведь придется и жертвовать. Нет, ну не Сеатой, конечно. Вот и выходит: не работать мне у Глыбы.

И я стал вспоминать, как появился Новый Плетя-Глыба в области. Выставили на торги Сергеевское месторождение рудного золота. Разведанных запасов шестьдесят тонн. Требовалось найти инвестора, доразведать месторождение, а затем уже найти еще более крупного партнера. Инвестор сам по себе не объявился. Поскольку начало девяностых, в стране разврат и падение. И вот среди соискателей на право отработки золоторудного месторождения вижу фамилию Плетнев. Это был период, когда мы с Сашкой созванивались совсем уж редко — раз-два за год. В суете вокруг торгов возникла и его вновь зарегистрированная компания, в которую вошли опытные мужики из едва живых селемджинских рудников. Опытные горняки. Академики. Сидят опытные в офисе, набычились, будто не верят во второе пришествие. А чтобы все состоялось, и надо не менее чем второе пришествие. Но Глыба что-то вымутил на Британских островах, появились небольшие деньги, чтобы заплатить нешуточный бонус. Местная власть отчего-то решила, что все свои дыры в бюджете сможет закрыть разом тем бонусом. Дурачины проклятые. Но Глыба бросил им эту кость, заплатил. Получил рудное тело. Мужики, академики горных дел, опять сидят в офисе, ждут манны небесной. За ней, теперь уже в Канаду, отправился молодой, умный, англоговорящий симпатичный профессор Баумановки и гордость Душков Гэри Кук. Глыба. То есть, конечно, Плетнев. И манна, пусть и невеликая, случилась. Пошло дело. Начали изыскания, доразведку, начали строить, замаячила перспектива золота. Большого золота. Невиданно большого в наших золотых краях золота. Академик-горняков в офисе уже не вижу, радостно понимаю — Плетя зарядил их куда надо. Приезжаю на рудник. Тот парень, засланец от канадского инвестора, который еще пару лет назад утром отправлялся на полигон в одной болоньевой курточке на синтепоне, в наши-то морозы от сорока градусов, теперь сидит в скромном офисе на том же полигоне и долбит по клавишам ноутбука. О такой технике мы только слышали, но еще не видели. Вот тогда я приободрился. Все меньше стал переживать за Глыбу. И все больше гордиться. Попереживал, правда, еще раз. Когда на рудном теле была построена золотоизвлекательная фабрика, все отлажено, чтобы начать извлечение и получить наконец первый слиток лигатурного золота. Мельницы день и ночь мололи подвозимую крупнотоннажными грузовиками разборную скалу, то есть руду, тысячетонная куча монументально возлежала на подкладке из миллиметровой пленки, пошел процесс орошения кучи, и праздник вот-

вот должен был состояться. Академики носятся по полигону. Бестолково суетится средней руки персонал. Профессор Баумановки сидит на трубе, через которую в коллектор должен поступать раствор связанного цианидом золота, и отупело, самозабвенно... нанотехнологично стучит огромным рожковым ключом, чтобы процесс подвигался шибче. Инвестор грызет ногти. Я в волнении топчусь с камерой, поскольку хочется отснять, как все происходило. Для истории. Что-то там не ладится. Академики бегают от агрегата к куче и от кучи к плавилке. Глыба в отчаянии продолжает стучать по трубе, благодаря сумасшедшему увеличению камеры вижу, как его лицо покрылось испариной, и он что-то там себе привычно бухтит, будто голодная, ожидающая прихода ночи сова. Снимаю, и чую — становлюсь крайним, виноватым. Ибо праздник все никак не наступает. Психуют академики. Продолжает колотить по трубе, но уже нервничает Плетя. На грани нервного срыва засланец инвестора. Исчезли в плавильной комнате академики. Там рабочая суета. И вот старший из академиков, Еременко, показался в двери плавилки и машет рукой — сначала Глыбе, а затем уже и мне. Идем нервно и быстро. Споткнувшись, падаю на бок с треногой в одной руке и камерой — в другой. Быстро встаю. Плетя меня не ждет. Догоняю Сашку бегом. На бетонном полу плавилки лежит и теряет температуру черный ошметок шлака, а рядом он — слиток лигатуры килограммов в шесть. Есть первый! Глыба в соплях. И что-то привычно бухтит под нос. Засланец при смерти. Академики тянут лыбу. Они такого добра навидались. Все получилось.

И пошла контора варить слитки один за другим. Глыба, понятно, продолжает разговаривать сам с собой и бухтеть себе под нос. Но уже по другому поводу. Надо больше. Еще больше. Больше всех. Это, понимаете ли, Глыба, это Гэри Кук.

Хорошо думать про Сашку. Действует как обезболивающее. Но теперь со мной творится нечто новое. Первые сутки лежания на стылой земле, даже и в утепленной куртке и брюках, под которыми белье, мне дались относительно легко. Теперь холод берет свое. Меня колотит так, что лязгают зубы. Организм перестает сопротивляться. Это и не удивительно. У всякого ресурса есть предел. Плетина куча обычно выдает пятьсот килограммов драгоценного металла — и наступает момент, когда по системе труб жидкий цианид в коллектор золота уже не несет. Значит, кучу надо убрать, а на ее место насыпать другую. И все повторится. Мне на этой стылой земле смены нет уже вторые сутки. И не похоже, что она явится в ночь. Значит, бедовать до утра. Исступленно трястись, как колотится далеко зашедший в своем сомнительном раю наркоман без дозы. Временами колотун утихает и даже боль уходит, становится настолько хорошо, что невольно отпускаю воду и тогда уже совсем тепло. Откуда вода, если я больше суток не пью? Выходит, это побочный продукт борьбы за выживание организма. Надо будет спросить об этом доктора Субботина.

«Босой»

Справа, показалось, блики далекого фонаря. Я запаниковал, что мои товарищи снова пришли меня выручать, а я не готов их встретить, рискую не успеть им шумнуть. Я дернул затвор, и патрон, как придурок, выпрыгнул и полетел в кустарник. Забыл, что патрон-то я дослал в патронник. Этого мне только не хватало! Тотчас нашарил фонарь, благо он под рукой. Осветил место, куда патрон улетел. Я вижу его. Однако батарейки уже настолько подсели, что в следующий раз могут сильной фонарной лампочке и отказать. Вижу патрон. Он в метре. Но — о ужас! — на границе слабого освещения морда. Трясучка тотчас прекратилась, и я заскулил, как собака, чья лапа попала под колесо автомобиля. «Босой!» Хотя я ведь предвидел, что рано или поздно он явится. Даже если бы косолапый меня и не почуял там, где-то на солнечной стороне сопки или в мари в ягоднике,

ворон так долго сидел на березе, что мишка не мог не сориентироваться. У них в тайге обратная связь налажена лучше, чем у людей на бытовом уровне. Выключаю фонарь и прислушиваюсь. Едва ли осторожный зверь тотчас бросится рвать легкую добычу. Я для него тоже зверь. Причем малоизученный. Будет ходить кругами, ждать, смотреть, прислушиваться, прежде чем приступит к решительным действиям. В сентябре он сыт. В окрестностях богатые ягоды. Нагуляет аппетит, вот тогда может и напасть. Но скорее подождет, когда я совсем затихну. Если сейчас начнешь шарить рукой по траве, попытаешь поднять патрон, подумает еще, что явился конкурент и следует поспешить. Не дай бог. А Ч сидит пообочь. Спит. Не слышит, что ли? Косолапый шумно втянул в себя воздух, понюхал. Кровь совсем рядом. Да, сыт. Но запас еще никому жизни не испортил. Добычу надо брать. Поэтому рыжий неспешно подвинулся ко мне. Я опустил руку в карман и нащупал спички. Надо шугануть «босого» огнем. Зажег спичку, поднес ее к вороху мелких валежин, травы и сучьев, приготовленных заранее, на крайний случай, еще и с тем чтобы погреться, пока выполняю хоть какую-то небольшую работу. Однако огонь не произвел на косолапого большого впечатления: стоит прочно на четырех лапах и сквозь пламя глядит на меня. Но тут запаниковал я: пламя быстро поднялось и стало лизать траву и кустарники вокруг. Я предпринимаю судорожную попытку загасить огонь, и мне с большим трудом удается этого добиться. В огне сухая тайга сгорит быстро, да и сам соришься. Вон люди о двух здоровых ногах в пламени обгорают настолько, что родные не могут их опознать. А тут лежачий. От напряжения и боли вырубил. Будто во мне образовалось некое сложное электронное устройство, тонко фиксирующее предел боли и немедленно отключающее сознание, стоит мне этот предел перейти. Сколько я был в отключке? Эта мысль заняла все мое сознание в момент возвращения. Если час, может, меня уже и нет. Включаю фонарь. Он уже не добивает до места, где в последний раз светились глаза косолапого. Сдохло светило. Шорох вверху над головой, и я с ужасом понимаю, что медведь там, рядом с муравейником, где дежурит в ожидании непонятно чего Ч. Мой ангел-хранитель. Пытаюсь шуметь, кричать, бросать листву, с треском ломать сушняк. На кого-то моя нешуточная экспрессия, может, и произвела бы впечатление. Но не на рыжего. В языках пламени было видно, что это трехлетка. Еще не матерый, не совсем взрослый. Однако в нем под два центнера, а челюсти его представляют собой страшную машину. Я уже подумал: может, «босой» пришел отомстить мне за того, огромного, которого мы с Ди взяли на участке артели? Может — за Мухина? Что ж, наверно, справедливо. Но не сейчас. Надо выручать Серегу. Тем временем мишка переместился на прежнее место, где некоторое время назад я его и рассмотрел за языками пламени. Беру в руку фонарь, целюсь в черную башку, собираю в кулак силенки и на третьем махе, как мне казалось, прицельно бросаю. Что такое? Фонарь даже не долетает до цели. Бросок вышел неуклюжим. Медведь придвинулся к фонарю, обнюхал его и вернулся на прежнее место. Я это не столько вижу, сколько слышу и ощущаю. Чем бы в него метнуть еще? Дурацкой бесполезной «мотороллой»? Весом она килограмма два с лишком. Что с нее толку, если здесь, в распадке, с трех сторон зажатом крутыми сопками с каменистыми обнажениями, она не подает признаков жизни! При следующем поползновении метну медведю в башку, а там будь что будет. Между тем косолапый что-то там прикинул в своей башке. Недвижно постоял пару минут. Что-то высмотрел, глядя вверх по склону. И свалил. Некоторое время было слышно, как, пыхтя, разговаривая сам с собой, хозяин тайги медленно идет вверх по ключу. Возможно, к месту своей дневной лежки на южном склоне. И я подумал, что, наверное, приближается рассвет. Не тут-то было. Тощий месяц вывалился из-за сопки и стал перед глазами, чтобы я, не дай бог, не подумал, что перевалило за полночь. Пока я предпринимал психоделические атаки на медведя, оставался в тонусе, боль стихла. Но сейчас она взяла свое. Отчаяние и невыносимая ноющая боль столь мощно

навалились, что начал подумывать о последнем шаге. Сделать его я волен, если смогу достать карабин. Попытки добраться до него измотали. Но своего добился. Проверил, в каком положении предохранитель. Убедился, что установлен на выстрел. Всхлипывая, постанывая, плача, подвел ствол снизу к горлу — так, чтобы вынесло напрочь мозги и уже без вариантов. Нет слов, в останавливающей силе немецкого патрона убедился лучше любого под этой луной. Могу стать экспертом производителя. Однако мою решимость перебила предательская мыслишка. В известном смысле меркантильная мыслишка: кто будет производить выплаты по кредитам за сельхозтехнику, расписанные на десять лет вперед? Сеата? Или, может, мой сын Степка? И я отложил карабин подальше, страшась даже прикоснуться к нему. А ведь в какой-то момент указательный палец скользнул по курку, я потер им по ребристому металлу и готов был уже покончить с мучениями на этом свете. Но про кредиты — суровый аргумент. Между тем боль не отступает. Катаюсь на спине по малой амплитуде вправо-влево, чтобы согреться. Скулю, вою, пытаюсь хоть как-то унять, успокоить боль. «Если это мне за Мухина, то я уже достаточно натерпелся хоть на частичное искупление. Дайте чуточку передохнуть, и я буду готов еще не раз такое перетерпеть. Но только дайте короткую передышку. Если за Сеату мучение — извольте, еще повою! Лишь бы ей было хоть чуточку легче». Но это слова. Всего лишь слова. А терпеть приходится здесь и сейчас. Нащупал карабин, подтянул его ближе. Проверил, как установлен предохранитель. Установлен на стрельбу. Подвел к горлу. И тут из того же самого шелеста, предупреждающего новое действие или переход из одного состояния в другое, появился образ бабушки Анны. Уже готов был спустить курок, и решительность моя вознеслась над тайгой еще выше, чем в первый раз. Между тем бабуля, графинюшка моя без титула, глянула в глаза и тихо произнесла: «Геночка, унучек мой родненькой, ты ведь обещал, что будешь жить до ста лет. Холодовы все живут долго. Ты, видно, забыл, что мы — Холодовы. Ни перед кем и ни перед чем не гнем спину. И потом ты ведь, унучек, обещал мне земли под грядочки. Землицы обещал, или забыл?..» — подняла бабуля указательный палец до уровня переносицы. И тем же образом с шелестом ушла в другое измерение.

Аккуратно, успокаивая тремор, отложил карабин в сторону. Дело вроде к рассвету, а боль усиливается. Те пределы, с которых началась наша схватка с нею, расширены. Порог терпения все выше. Но коли отказал себе в том, чтобы уйти, и раз, и два, теперь дотерплю. Лишь бы не вернулся рыжий. Впрочем, один патрон у меня есть.

Стоило подумать, как по утреннему инею, едва-едва посеребрившему листву, сверху сполз косолапый. Небо немного сереет, и хорошо виден его силуэт. В этот раз рыжий напрямик направляется в мою сторону. Видно, решился. Да и время завтрака. Но стоило ему приблизиться на три шага, как я метнул в него «Мотороллу». Попал напрямик в лобешник. Михайло остановился, удивился, будто с открытой душой и распростертыми объятиями шел поздороваться и обнять, а его послали. Вот так с обидой на морде, едва спрятанной в маленьких, иногда бликующих глазах, повернулся и ушел прочь. Больше его не видел.

С отключениями сознания прошел и новый день. Обнаружили меня часа в четыре пополудни. Случайно. Вернулись к шибко впечатлившему их накануне брусничнику. А тут неподалеку я раскорячился. Удивились. Сами признались, что наткнулись случайно. Поругали — мол, не кричал, не стрелял, не звал, «напрасно сам рассчитывал справиться». Однако, быстро оценив ситуацию, засуетились, заспешили. Предприняли попытку вынести тело к автомобилю, оставленному в пятистах метрах на дороге. Но я отказал им в счастье быстро обтяпать дельце и скорей вернуться к брусничнику, осознавая, что в этот раз от боли точно умру. Ведь сил для борьбы с нею не осталось. Позвонили по мобильному охотоведу Ивану Ряжских. Он из тех, кто непременно выручит.

Большой вертолет на марь не посадишь, нужен двухместный. Иван без промедления сообразил маленький. Кое-как, измученного, с запасом и даже с перебором обколотого анестетиками, затолкали меня в крылатого извозчика и вывезли в областную больницу. Лежа на больничной койке, не раз мысленно поклонился бабушке Анне Холодовой. Я ведь совсем уж готов был уйти: мысленно переоделся во все чистое и вроде даже предстал перед апостолами. Замечу, встретили они постояльца без радости. Бабушка завернула меня перед самыми воротами: «Бывалча, надену ботиночки коришневы да в церкву с мамкой, отцом, с братьями-сестрами...» До чего же сильный народ выковала первая половина уходящего двадцатого...

А доктору в первый же день объявил, что я в его распоряжении всего на два месяца. Мало? И так, мол, дал тебе срок с запасом... смотри у меня, коновал. А то ить надо спешить — выручать Серегу. Однако бестолковый док будто недопонял, а в довершение обозвал сумасшедшим.

— Слышь, циркач, ты ведь чудом остался жив. Попади пуля миллиметром левее, в артерию, кровь выгнало бы в минуту. Амнезия. Смерть. Ты и сейчас еще на этот свет опираешься лишь пяткой левой ноги. За твою жизнь бороться и бороться. Ногу хорошо бы сохранить. Словом, не доставай меня, парень.

Ч с момента бегства медведя я не видел. Чем уж таким ее обидел?